

Лео Гиновкер

Таллинн, Эстония.

Эмма Гофман провела собеседование в январе 2003 г

Перевод с английского Рут Ступель.

Когда я первый раз позвонила Лео Гиновкеру, его жене нездоровилось, и мы договорились встретиться в помещении Еврейской общины Эстонии. Я увидела оживлённого, невысокого человека, которого никак нельзя было назвать старым. Я очень удивилась, узнав, что родился он в 1914 году. Лео оказался очень дружелюбным, общительным оптимистом с чувством юмора. Лео Гиновкер считает, что его жизнь вряд ли будет кому-либо интересна и поэтому без особого желания начал отвечать на вопросы. Относительно своей жизни на данный момент, он сказал, что они с женой пока справляются без посторонней помощи и не испытывают финансовых проблем. Единственное, что мешает жить, это его возраст и сопутствующие ему болезни.

Мои родители родились и выросли в одном и том же маленьком местечке под названием Ляды, в восточной части Могилёвской губернии России. Сейчас это часть Белоруссии. Мои бабушки и дедушки жили и умерли в этом местечке. Я их никогда не видел и знаю о них очень мало. Моего деда со стороны отца звали Мордух Гиновкер. Я не знаю имени своей бабушки со стороны отца. Она умерла рано и дед женился снова. От первого брака у деда Мордохая было 2 сына: старший – мой отец Йосиф (еврейское имя Йесел) род. в 1875 г. и младший Давид в 1883 г.

Давид окончил гимназию и школу зубных врачей в России. Он принял решение покинуть Россию в 1905 г., когда начались погромы. Мой отец, владевший в то время небольшим магазином, дал ему деньги, и он смог уехать в Канаду. Там он работал зубным врачом. В начале 1930-х дядя Давид приехал к нам в Таллинн в гости со своими дочерьми Марой и Верой. Я помню, как он неустанно благодарил моего отца за помощь. Став взрослыми, Мара и Вера переехали в США. Больше мне ничего не известно о каких-либо других родственниках моего отца, и вот почему: в 1918 г., когда мне было 4 года, Эстония отделилась от России и стала независимым буржуазным государством. Все наши родственники остались в СССР. У нас не было возможности ни встретиться, ни общаться с

ними. Возможно, наши родители рассказывали нам детям что-то о своих родственниках, но я не помню. Когда я был молод, меня это не интересовало, а когда я повзрослел, не у кого уже было спросить. Помню, что в начале 1920-х, во время голодомора в Украине, мои родители посылали посылки с одеждой и продуктами своим родителям в Ляды через какие-то организации. Затем эта возможность пропала, позднее нам сообщили, что наши дедушки и бабушки умерли.

Мой отец учился в хедере и был довольно хорошо образован. Его родным языком был идиш, но он свободно говорил и писал по-русски. В течение нескольких лет после окончания хедера мой отец жил один в местечке под названием Дубровни, также в Могилёвской губернии. Он работал в пекарне, вначале учеником, а затем управляющим. Когда он понял, что скопил достаточно денег, он решил, что готов жениться и начать собственное дело. Он знал свою будущую жену, мою маму, с детства, их семьи жили по соседству.

Моя мать, Хая Гиновкер, урожд. Высотская, родилась в 1878 г. Её родители – Фридман Высотский и Хана Высотская, урожд. Ратнер. Моя мама не особенно много училась в детстве. Она хорошо говорила, читала и писала на идиш, но по-русски могла только говорить. Для того чтобы жениться, мой отец вернулся в Ляды, где жила моя мать со своими родителями. Я думаю, что как семья моего отца, так и семья матери были очень религиозны т.к. мои родители прекрасно знали все религиозные законы и традиции. Я не знаю, чем занимались мои дедушки, но их семьи были очень бедны. Помню, как мой отец говорил, что если бы они с мамой остались в Лядах, то были бы так же бедны как и их родители. Мои родители поженились весной 1900 г., свадьба состоялась в синагоге местечка Ляды.

После свадьбы родители переехали в Ригу, за 600 км. Здесь у отца были друзья, перебравшиеся сюда несколькими годами раньше. Мои родители хотели убежать от нищеты местечка, и к тому же, было бы безнадежно открывать своё дело в маленьком, обедневшем еврейском городке. Моя мать никогда больше не возвращалась в своё родное местечко и никогда больше не видела своих родных. Отец же навещал своих родителей и родителей жены и несколько раз оказывал им помощь до революции 1917 г. В Риге мои родители взяли в аренду маленькую пекарню и работали в ней вместе. Отец занимался выпечкой хлеба и пирожных, а мама продавала их. В Риге они прожили 6 лет.

За это время у них появилось четверо детей, но двое умерли в младенчестве. В 1906 г. мои родители и мои братья – Овсей (род. в 1902 г.) и Самсон (род. в 1903 г.) переехали в Таллинн, тогда Ревель, Эстляндской губернии. Здесь отец открыл магазинчик, где продавались чай, сладости, селёдка и прочие бакалейные товары, за которыми отец ездил в Россию. Семья жила в небольшой квартире, арендованной у городского головы. Это был эстонец, до 1940 г. он и наша семья были в дружеских отношениях. Он часто заходил к нам на кондитерскую фабрику и всегда уходил с карманами полными конфет.

Дела отца шли хорошо и через 6 лет родители смогли купить дом. Это было деревянное, двухэтажное строение с 4-мя квартирами и большим, красивым садом с цветущей сиренью, фонтаном и живым павлином. От всей этой красоты пришлось отказаться т.к. отец начал создавать свой бизнес. На заднем дворе была построена маленькая кондитерская фабрика, а подвал был превращён в пекарню. Отец назвал свою фирму «Орёл». В 1920 году здесь уже работало несколько десятков рабочих.

К этому времени наша семья увеличилась: мой третий брат Макс (еврейское имя Мендель), родился в 1907 г., за ним появился я в 1914 г. При рождении мне дали имя Лео, но вся семья называла меня Мориц. Когда я был ребёнком, мы читали книжку, где главными героями были Макс и Мориц. Моего брата звали Макс, и мои старшие братья стали называть меня Мориц. Так меня звали дома, в школе, и даже потом. Мои старые друзья по-прежнему зовут меня Мориц, хотя по паспорту я Лео.

Наш дом был достаточно комфортабелен с электричеством, водопроводом и канализацией. Отопление было печным. Помню, как дворник приносил дрова. Мы жили на втором этаже, квартира состояла из 7 комнат. Остальные три квартиры мы сдавали. Рядом с нами в небольшой квартирке долгое время жила другая еврейская семья. Глава семьи, высокий, полный человек, был владельцем бойни и магазина, где продавалось кошерное мясо. Я играл с ним в шашки. Перед игрой он мог выпить штоф водки (1.23 л) и, тем не менее, выиграть несколько партий подряд.

Моя мама уже не справлялась с хозяйством и мы наняли прислугу. Одна эстонка помогала матери на кухне, а вторая убирала квартиру. До шестилетнего возраста у меня была няня – пожилая эстонская дама. Благодаря ей я с лёгкостью овладел эстонским языком. В нашем доме можно было услышать несколько языков. Родители всегда разговаривали между собой на идиш. Братья также знали идиш, но пользовались им не часто. Братья учились в Русской гимназии. Русский стал основным языком общения в нашей семье. Родители всегда говорили с нами по-русски. С прислугой мы говорили на эстонском, хотя родители не владели им хорошо. В то время в Эстонии говорили на трёх языках: эстонском, русском и немецком. Родители вели дела на русском без особых проблем.

Мои родители не были очень религиозны, но семья соблюдала наиболее важные еврейские традиции. Мы покупали кошерное мясо в специальных магазинах. В Таллинне было 3 кошерных магазина. Наша кухня не была строго кошерной т.к. у нас не было отдельной посуды для молочного и мясного. Мои родители всегда ели только кошерную пищу, но детей к этому не принуждали. В праздники родители ходили в синагогу, я с братьями тоже ходил, когда мы были маленькими. Обычно отец переводил нам молитвы с иврита и объяснял их значение.

Каждый из нас мальчиков прошёл бар мицву. Друг отца, родом из Ляды, подготовил меня к моей бар мицве. Его звали Аврум Левин. Это был образованный человек, эксперт по Торе и ивриту. Он учил меня в течение нескольких месяцев, на церемонии бар мицва я смог хорошо прочитать отрывок из Торы. Церемония происходила в Таллиннской синагоге под руководством раввина. На ней присутствовала вся семья и многочисленные друзья. Повзрослев, ни я, ни мои братья больше не ходили в синагогу. Думаю, что родители ничего против не имели.

Наша семья всегда праздновала еврейские праздники: Рош ха-шана, Хануку и Песах. Помню, как перед праздником, особенно перед Песахом, вся квартира тщательно убиралась, всё начищалось до блеска. Мы всегда проводили седер на Песах и, конечно, была маца. Родители были общительными, гостеприимными людьми, поэтому за нашим столом всегда было много гостей. Многие наши друзья приходили постоянно. Родители тесно общались только с еврейскими семьями, некоторые из них были также родом из разных частей Белоруссии. Отец имел довольно горячий нрав, а мама была нежна и добра. Они уравновешивали друг друга. У нас в доме никогда не было скандалов или громких перепалок. Мы относились друг к другу с уважением и пониманием. Мой отец был активным бизнесменом и много работал. Он был честен и справедлив. Каждый, кто имел с ним дело, относился к нему с глубоким уважением. Его не интересовала политика или общественная жизнь. Он не входил ни в одну из многочисленных партий, обществ или корпораций, существовавших во время Еврейской Культурной автономии.

Отец читал много, мои братья и я тоже пристрастились к чтению. У нас была большая библиотека; книжные полки занимали весь кабинет отца. Здесь были книги на русском и идиш. Конечно, русскоязычных книг было больше, книги на идиш не часто издавались в Эстонии и России. У нас было великолепное издание «Божественной комедии» Данте в двух томах, роскошные тома «Приключений царя Николая» в позолоченных переплётах, и книги Шолема Алейхема на идиш, том поэзии Хайма Нахмана Бялика, работы Шолема Аша и книга Симона Дубнова «История еврейского народа».

Мы оформляли подписку на газеты. Помню, одна газета называлась «Сегодня» и издавалась в Риге. Её приложение «Вести дня» издавалось в Таллинне. Газеты писали о повседневных местных новостях культуры и бизнеса, здесь же была и реклама. Политических статей было мало. Мне кажется, что жители Эстонии не особенно интересовались политикой в то время.

Таллинн того времени – это небольшой, но довольно современный город. Центр города составляли трёх и четырёхэтажные дома, хотя большая часть города состояла из одно и двухэтажных деревянных домов. Проезжая часть улиц была покрыта булыжником, тротуар был вымощен.

Одна из центральных площадей была рыночной. Насколько я помню, в Таллинне всегда были машины, такси и поезда. Лошади использовались для перевозки грузов по городу. Лошади были большими и сильными. Летом они запрягались в большие повозки, а зимой в сани.

Ясно помню, как вся семья отправилась в первый раз прокатиться на самолёте. Мне было 6 или 7 лет. Какая-то компания организовала полёты над городом. Полёт продолжался 10 минут. Мама очень боялась лететь и не разрешила всей семье лететь вместе; итак, я был в самолёте с папой и мамой, а братья полетели следующим рейсом.

Моя мама любила новшества. Первое радио появилось у нас уже в 1924 г. Мы могли слушать его только с наушниками, ситуация изменилась, когда появился следующий, более мощный приёмник. В конце 1930-х наши друзья приходили подивиться на электрический холодильник, подарок отца моей маме.

Мои родители с удовольствием ходили на концерты и спектакли. Большею частью это были русскоязычные постановки, иногда на идиш – силами актёров Еврейского Драматического общества из Тарту и Риги. В рестораны родители никогда не ходили, это не входило в традиции нашей семьи.

Родители страдали от радикулита и каждое лето, начиная с 1915 или 1916 г. они ездили на грязи. Таких курортов в Эстонии было два: в городке Хаапсалу (до 1918 г. – Гапсаль), что юго-западнее Таллинна, на берегу Балтийского моря и в городе Курессааре на острове Сааремаа. В Хаапсалу родители ездили на поезде, а в Курессааре на пароме. Мои братья уже были слишком большими и поездки на курорт их не интересовали, я же ездил туда несколько раз вместе с родителями. Мы снимали дачу т.к. собственной у нас не было. Родители проходили процедуры в клинике. Однажды и меня засунули в грязевую ванну.

Наши друзья с семьями обычно снимали дачи поблизости. Несколько лет подряд рядом с нами отдыхала семья Изрин. Глава семьи в то время являлся партнёром моего отца. Их сын, Илья, был на 2 года старше меня и мы очень весело проводили время. Спустя много лет, в советское время, Илья заведовал отделом в министерстве здравоохранения Эстонии.

Другой мой друг, Арон Тамаркин, часто жил у нас на даче, т.к. его семья не могла себе этого позволить. Наши отцы были земляками и хорошими друзьями детства. Шмарья Тамаркин, отец Арона, был первым директором Таллиннской Еврейской гимназии, кроме того он преподавал идиш. Арон был хорошим музыкантом, весёлым, интересным человеком. Мы пронесли эту дружбу через всю нашу жизнь. В советское время он работал директором музея театра и музыки г. Таллинна. В то время эстонские курорты посещали также шведы и финны. Было там и несколько еврейских семей, все они тесно общались друг с другом, обычно собирались по вечерам, беседовали на идиш и пели еврейские песни. Для нашей семьи отдых не был долгим. Родители проходили 2-3 недельный курс лечения и затем мы возвращались домой. Для отца работа всегда была на первом месте.

В 1920 г. я поступил в первый класс Еврейской начальной школы гор. Таллинна. Она находилась в небольшом двухэтажном доме, принадлежавшем семье учителей по фамилии Гильдебрант. Еврейская община арендовала их дом под школу. Супруги Гильдебрант были русскими иммигрантами; они преподавали в нашей школе в течение нескольких лет географию и математику. В нашем большом классе училось 25 учеников. Школу открыли год назад и в ней было только 2 класса. Языком обучения был русский, но с первого класса мы изучали идиш, иврит и эстонский. Позже школа переехала в помещение синагоги или, вернее, в её пристройку. В 1924 г. открылось новое здание Таллиннской Еврейской гимназии и мы стали учиться там. Возможно, и государство поддерживало школу, не помню точно. Мы должны были оплачивать учёбу, община платила за детей из бедных семей.

В школе праздновались еврейские праздники; были и кружки по интересам. Празднования стёрлись в моей памяти, зато помню участие в кружке. Будучи учеником 8-го класса, я ходил в сионистский кружок «Эмуна» (что означает «вера», кружок был организован еврейскими студентами из Тарту). Мы не принадлежали к правому крылу, как Бейтар, или к левому крылу сионизма, как Хашомер Хацаир, мы находились посередине. Мы читали книги про Палестину, готовили доклады о сионизме и мечтали уехать в Палестину и строить там Еврейское государство. Позже многие из нас действительно поехали туда. Мой друг Давид Гершанович, семья которого жила недалеко от нас, был одним из них. У него было 7 или 8 братьев и сестёр. Давид был на год старше меня. Ему было 18, когда он уехал в Палестину. Как и во многих еврейских домах у нас дома были всегда 2 копилки. Одна из них, Керен Кайемерет, бело-голубая, а другая, Керен Хайесод – жёлтая. Это были копилки для покупки земли в Палестине.

Во время учёбы в школе мне нравилось заниматься спортом. Преподавание гимнастики находилось на особенно высоком уровне.

Тренером был Утехин, бывший офицер царской армии. Я играл в футбол, занимался гимнастикой, лёгкой атлетикой, был членом спортивного клуба «Маккаби», но особо выдающихся достижений у меня не было.

Мне хорошо давались все школьные предметы, но особенно легко языки. Когда я окончил школу, я хорошо знал русский, эстонский, немецкий, идиш и иврит. Я брал также частные уроки английского

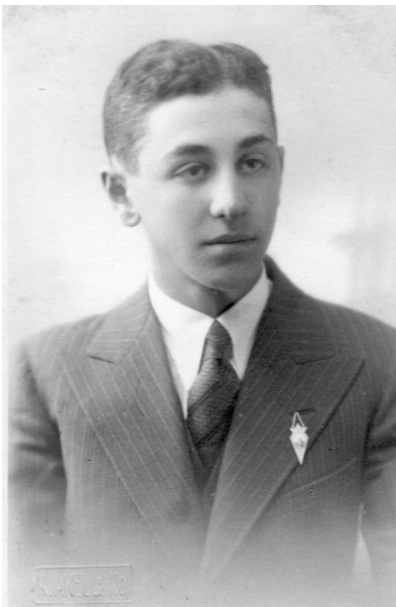
языка, учитель приходил к нам домой.

Правда, с музыкой я был не в ладах. Уроки музыки проводил Гуревич, кантор Таллиннской синагоги. Он приходил на уроки с очень интересным шестигранным аккордеоном (концертина - прим. пер.). На первом уроке было прослушивание. Когда подошла моя очередь, он извлёк ноту из камертона и я спел её. Затем учитель сказал: «Иди, и не приходи больше на мои уроки». Я ещё сейчас сердит на него. Что касается музыки, я люблю её. Мне очень нравилось ходить на симфонические концерты, особенно когда за дирижёрским пультом был Эри Клас, внук моего учителя музыки.

Мой старший брат Овсей окончил Русскую гимназию гор. Таллинна и отслужил год в эстонской армии в батальоне мостостроителей. Затем он учился в Германии и стал горным инженером. По какой-то причине он очень хотел поехать в СССР и работать там по специальности, к счастью, этого не случилось. В середине 1920-х он вернулся в Таллинн. Вначале он помогал отцу, но затем открыл своё дело. Вместе с партнёром он построил красильную фабрику и красил ткани. Позднее Овсей и один из его партнёров купили небольшое судно и занимались поднятием со дна Финского залива затонувших кораблей. Он никогда не был женат.

Самсон, мой второй по старшинству брат, в свидетельстве о рождении записан как Симсон. Он также окончил Русскую гимназию гор. Таллинна и уехал во Францию. Три года он прожил в Тулузе, но, очевидно, учился не очень усердно. Самсон вернулся в Таллинн без диплома и начал работать в компании отца, занимаясь финансами. В 1938 или 1939 г. он серьёзно влюбился в одну эстонку. Он хотел жениться на ней, но наши родители не дали своего согласия. Самсон не пошёл против их воли. В отчаянии он уехал в Ригу и женился на еврейской девушке. Её звали Инна. Самсон был намного старше своей жены. Конечно, это не был брак по любви. Молодожёны поселились в нашем доме, в соседней квартире. Они ждали рождения первенца в июне 1941 г.

Мой третий брат, Мендель, старше меня на 7 лет, сколько я себя помню, наша семья называла его Максом. Когда он получил свой первый паспорт, он стал Максом официально. Окончив Русскую гимназию и отслужив в армии в качестве полевого инженера, он уехал учиться в Геную, Италия. Получив диплом инженера кораблестроителя, он вернулся в Таллинн. Год спустя он снова уехал учиться, на этот раз в Лондон, Великобритания. Наши родители, не имевшие возможности учиться, понимали важность хорошего образования и не экономили на учёбе детей. Макс окончил университет в Великобритании и вернулся домой как раз перед войной. Он любил учиться, за всю свою жизнь он получил 4 университетских диплома. У него была особая способность к языкам. Он хорошо знал русский, эстонский, идиш, иврит, английский, немецкий и итальянский.

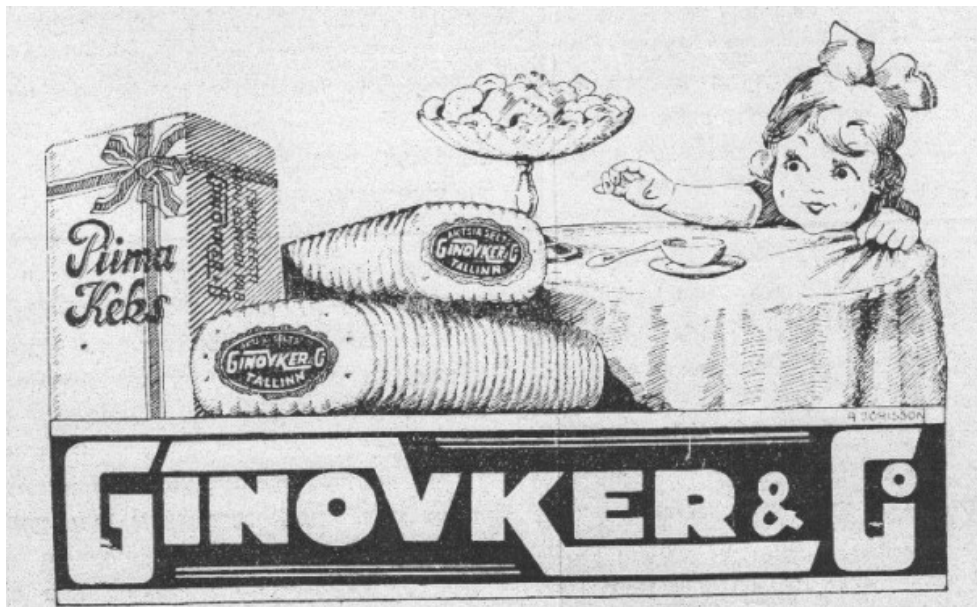
Я окончил школу в 1931 г. Мама убеждала меня тогда: «Продолжай учиться, сынок. Поступай, куда тебе хочется, только продолжай учиться!» Но я никуда не пошёл. Некоторое время я наслаждался жизнью, развлекался с друзьями, но затем отец начал вводить меня в курс дел своей компании. Она тогда называлась «Гиновкер и Ко» и работало в ней 300 человек. Сердцем компании была большая шоколадная фабрика, построенная отцом в конце 1920-х. Здесь производили шоколад, шоколадные конфеты, мармелад, сухари для эстонской армии и мацу для Еврейской общины.

Я отвечал за экспорт, наша продукция продавалась не только в Эстонии, но и во всём мире. Наши сладости отправлялись морем в США, Великобританию, Швецию, Южную Африку и т.д. Я

просматривал деловые каталоги и искал компании по импорту, заключал с ними контракты и отправлял товары. Мне нравилась эта работа.

В 1935 г. меня призвали на год в эстонскую армию. Я служил рядовым в 10-ом пехотном полку, расквартированном в Таллинне. Мы жили в казарме, время от времени, получали разрешение пойти домой в конце недели. Мы, обычные люди, не ощущали никаких признаков растущей угрозы агрессии ни с Запада, ни с Востока.

В 1935г. команда нашего спортивного клуба «Маккаби» собиралась принять участие в играх Маккабиады в Палестине. Двое моих лучших друзей были в команде. Один из них был штангист, другой – теннисист. Я решил поехать с ними в качестве болельщика, тем более, что это давало мне возможность встретиться с нашими деловыми партнёрами в Ливане и Египте. Поездка оказалась очень интересной. Мы доехали поездом через Варшаву и Вену до румынского порта Констанца, оттуда пароходом до Хайфы. Игры Маккабиады проходили в Тель Авиве. Город поразил меня своим совершенно не городским видом. Улицы были покрыты песком, не было ни тротуаров, ни высоких зданий. Мне удалось повидаться со своим другом Давидом Гершановичем и быть свидетелем трудной жизни наших эмигрантов в Палестине, их тяжёлой и изнурительной работы. К сожалению, я не увидел спортивные соревнования т.к. именно в это время мне нужно было поехать в Бейрут, а затем и в Александрию. Помню, как нелегально пересёк палестинско-ливанскую границу. Один из наших клиентов, араб, приехал за мной в Тель Авив на своей машине. Он провёз меня нелегально под сидением машины т.к. у меня не было разрешения на въезд в Ливан со стороны Палестины. Домой я вернулся один через Венецию.

В сентябре 1939 мы отправили большую партию сладостей в США через Хельсинки. Макс был в Финляндии в то время. У нас там было небольшое, но очень прибыльное дело. Мы арендовали консервную фабрику в Хельсинки и производили очень популярные в Финляндии маринованные огурцы. Макс был очень обеспокоен положением, когда слушал передачи Би Би Си и разговаривал с моряками. Германия и СССР уже начали раздел Восточной Европы. В Эстонии уже было несколько советских военных баз. Англичане предсказывали оккупацию Эстонии со стороны СССР. Агрессивная политика фашистской Германии не оставляла нам надежды на спокойную жизнь в маленькой Эстонии.

Макс написал отцу письмо, в котором говорилось о возможных, опасных изменениях в Эстонии. Он просил оставить всё и переехать в Финляндию. Если бы мы продали партию товара, у нас было бы достаточно денег для новой жизни. Наш отец, который никогда не интересовался политикой, ответил, что вначале мы должны вернуть кредиты, выполнить договоры, вернуть долги и только затем уехать. А до этого мы будем продолжать работу, сказал он. В то время он уже активно не занимался делами; мои братья и я вели дела.

Вся наша семья наблюдала за прибытием советских властей в Таллинн в июне 1940 г. Вся наша собственность: фабрики, несколько домов, магазин, лодка и машины, были национализированы немедленно, радиоприёмники были конфискованы. Братьев убрали из фабрики, мне же, почему-то, разрешили остаться на некоторое время. Я стал начальником планового отдела, у меня даже было двое или трое подчинённых. Мы чертили какие-то таблицы, вешали их на стены, посылали куда-то отчёты... Директором фабрики назначили эстонца, бывшего маляра. Фабрика держалась на плаву. Сырьё привозилось из России, продукция увозилась туда же. Братья нашли работу в артелях, нам платили зарплату и жизнь продолжалась. В нашей квартире поселилась ещё одна семья, квартира была уже государственной. Это была еврейская супружеская пара. Он – композитор, работал в военном театре. Фамилия его была Витлин. Они оба были поражены обилием товаров в эстонских магазинах и скупали всё: мебель, велосипеды, костюмы, постельное бельё. Все эти вещи невозможно было купить в СССР. Ветлин был убеждён, что войны не будет и слухи о подготовке Германии к войне всего лишь провокация.

14 июня 1941 г. в 2 часа утра прозвенел звонок входной двери. Когда мы открыли дверь, в квартиру вошли комиссар и четверо вооружённых солдат. Нам велели сесть вокруг обеденного стола и комиссар прочитал декрет Президиума Верховного Совета Эстонской ССР, в котором говорилось о выселении нашей семьи из Эстонии. С этого момента, согласно декрету, мы считались «социально опасным элементом» т.к. обладали частной собственностью и использовали наёмный труд. Нам дали 2 часа на сборы. Комиссар всё время повторял: «Не берите много! Вам дадут всё!» Мы были достаточно наивны и поверили ему, поэтому взяли несколько чемоданов с одеждой и немного еды.

Еврейская семья, родители и сын восьми лет, жили на первом этаже нашего дома. Им принадлежала сыромятня. Их также погрузили на грузовик вместе с нами, мою мать и беременную Инну посадили в кабину, и так нас привезли на вокзал. Когда нас вели к вагонам, я заметил, что Овсея не было с нами. Солдат-конвоир успокоил меня: «Ваш брат придёт». Нас втиснули в зарешёченные вагоны для перевозки скота, женщин отдельно от мужчин. В углу вагона дыра – туалет. Поезд был составлен из нескольких таких вагонов, в каждом по несколько депортированных семей. Беременной Инне было разрешено остаться в Таллинне до родов, а моей маме – остаться с ней.

Ехали мы очень долго, даже не помню как долго. Война уже началась, навстречу нам ехали составы, гружённые военной техникой. Двери вагона не открывались первые несколько дней; позднее их иногда открывали и впускали свежий воздух. Наконец мы прибыли на станцию Котельнич, рядом с городом Киров (1 500 км на восток от Таллинна). Здесь нас погрузили на пароход, плывший вниз по реке Вятке. Конвоя не было, мы могли свободно выбрать место высадки. Мы сами должны были найти себе жильё и место работы. Мы устроились под городом Кильмез. Здесь же поселилось ещё 8 или 9 депортированных еврейских семей. Мы общались с ними, но не праздновали еврейские праздники и не соблюдали традиции. Все были запуганы и боялись ссылки в исправительные лагеря. Макс, Самсон и я работали бухгалтерами в трёх разных колхозах, отец не работал. Мы сняли комнаты, я жил с отцом. Мы работали по трудовому договору. Колхозы давали нам продукты, в основном, овощи. Помню постоянное чувство голода, но все страдали во время войны. Во время депортации мы не чувствовали дискриминации на национальной почве т.к. все депортированные были в равной мере лишены гражданских прав, независимо от национальности.

У нас не было паспорта, нам не разрешалось уезжать, раз в месяц надо было отмечаться в отделении милиции. В остальном мы не отличались от эвакуированных. Однако Овсею пришлось тяжело. Когда нас депортировали, он узнал, что главу семьи посылают в исправительный лагерь, а членов семьи депортируют. Пожалев нашего пожилого отца, Овсей выдал себя за главу семьи. Конвоиры не заметили обмана т.к. Овсей очень похож на отца. Отец остался с нами, а мой брат отправился в лагерь на лесоповал. Условия в лагере были совершенно нечеловеческими: голод, холод и тяжёлая работа. Овсей провёл там 5 лет, чуть не умер от пеллагры, но чудом выжил.

Овсея освободили в 1946 г., он приехал к нам в Кировскую область. Инна, жена Самсона, родила сына в конце июня 1941 г., она уехала из Таллинна как раз перед приходом немецких войск. Ей даже удалось найти нас в Кировской области. А наша мама осталась в Таллинне, хотя у неё была возможность уехать. Мы не знаем, почему она осталась и как погибла. В 1991 г. мы получили справку из государственного архива Эстонии о том, что Хая Гиновкер, еврейка, была убита 18 ноября 1941 г.

Возможно, её уговорила остаться приятельница родом из Вены. Она всегда говорила, что немцы вежливый, воспитанный и порядочный народ. Так думали многие эстонские евреи. Кроме того, после массовых депортаций проведённых советским режимом, они боялись коммунистов больше, чем нацистов. Думаю, что депортация спасла нашу семью, в противном случае мы все остались бы в Таллинне и погибли т.к. не верили, что цивилизованный народ способен на такие жестокости. До 1944 г. мы не знали ничего о происходящем на территории оккупированной Эстонии. Мы очень надеялись, что мама жива. Осенью 1944 г. после освобождения Эстонии, мы узнали, что все евреи, оставшиеся там, погибли. Эта новость отрицательно повлияла на отца, он заболел и умер в конце октября 1944 г. в Кильмезе. Мы похоронили его на единственном кладбище этого небольшого русского городка, где хоронили всех, независимо от религиозной принадлежности.

Мои братья и я жили и работали в Кировской области до 1947 г. За хорошую работу меня даже наградили медалью «За героический труд».

По этой причине мне выдали справку об освобождении на пару дней раньше, чем братьям. Нам разрешили жить в любом месте СССР, кроме Таллинна, поэтому вначале наши пути разошлись. Овсей уехал в Ташкент, где жили его друзья. Там он работал в артели, продающей фрукты. Они посылали самолётом сухие и свежие фрукты в большие города СССР. Овсей хорошо зарабатывал и помогал нам финансово, что было необходимо.

Самсон уехал в Ригу. Они с Инной уже развелись. Она не считалась депортированной и вернулась с детьми в Ригу в 1945 г. У неё было 2 сына: Андрей, родившийся в Эстонии, и Марк, родившийся в Кировской области. Позднее Инна вышла замуж за человека по фамилии Каплан, которого любила ещё до замужества. Он усыновил Марка, младшего сына Инны, и при первой возможности в начале 1960-х семья Каплан уехала в Израиль. Андрей остался в СССР. Но тогда, в 1947 г. они жили в Риге. Самсон хотел быть рядом с детьми, видеть их и помогать им.

Макс уехал в Москву, женился там. Цива, его жена была на 15 лет моложе своего мужа. Она преподавала французский. Вскоре родился сын – Александр. Они жили в крошечной комнате в центре Москвы вчетвером: Макс, Цива, её мать и маленький Александр. Макс работал

над составлением русско-итальянского словаря. А я вернулся в Таллинн хотя мне это было запрещено. Друзья предоставили мне маленькую комнату и я работал по договору. Находясь в Таллинне нелегально, я не мог устроиться на постоянную работу.

Я женился в 1948 г. Моя жена, Ирена Бейлинсон, урожд. Клас, была вдовой. Её муж служил на флоте

и погиб в начале войны. Она жила с матерью и семилетним сыном Михаилом. Ирена выросла в немецкоговорящей семье и окончила немецкую гимназию. Члены семьи говорили также по-русски и по-эстонски т.к. люди, окружавшие их, говорили на одном из этих языков. До войны её семья владела галантерейным магазином, где продавались модные товары. Семья не была религиозной. Во время войны они были эвакуированы на Урал. Я познакомился с Иреной, когда она пришла в гости к моим друзьям, у которых я снимал комнату.

В 1950 г. снова началась депортация бывших осуждённых. Очевидно, их по ошибке освободили слишком рано. Мне не хотелось снова проходить депортацию, поэтому мы с Иреной уехали к Овсею в Ташкент.

В Ташкенте трудно было найти работу. Однажды я заметил объявление о вакансии бухгалтера в исследовательской экспедиции. Я пошёл на интервью. Меня спросили, по какой причине я уехал из Эстонии. Я ответил, что жена нуждается в смене климата из-за болезни щитовидной железы. Они посмеялись надо мной, оказалось, что людям с такой проблемой рекомендуется покинуть Ташкент. Однако, они приняли меня на работу. Экспедиция работала в пустыне Каракум. Я работал бухгалтером, а жена лаборанткой. Мы жили в землянке, летом было очень жарко, еды и питья не хватало. Но наши коллеги были хорошими людьми, мы были в хороших отношениях.

На следующий год появился новый начальник экспедиции. Изучив мои бумаги, он понял, что я «социально опасный элемент». Поэтому меня депортировали ещё раз. Жена считалась свободным человеком, она могла уехать, но предпочла остаться со мной. Местом депортации был назначен город Нукус, в Узбекистане, в 650 км от Ташкента, на берегу Аральского моря. Население города – узбеки и казахи. Мы купили крошечный домик, бывший сарай для скота, настелили полы, провели электричество, покрасили стены и стали в нём жить. Мы хорошо зарабатывали. Я работал главным бухгалтером, а жена лаборанткой. Но всё вокруг нас было чуждым – люди и их стиль жизни. Жена очень скучала по сыну, который остался в Таллинне с бабушкой.

Два года спустя я попросил назначить городом моей депортации Киров. Всё же это был более европейский город, там не было такой изнуряющей жары. И, самое главное, Самсон и Макс с семьёй жили там после депортации 1951 г. Мы с женой приехали туда в 1953 г. Вскоре Овсей приехал к нам в гости из Ташкента. Его арестовали и заставили остаться в Кирове на положении депортированного. Снова мы были вместе. Снова мы были «социально опасным элементом» без каких-либо гражданских прав. С этого момента наши жизненные пути разошлись.

Овсей работал инженером в плановом учреждении. После освобождения в 1958 г. он подал прошение об эмиграции в Израиль, ему отказали. Тогда он поехал в Литву, надеясь, что там ему дадут разрешение на выезд. Но это было не так. Он подавал прошения много раз, но каждый раз ему отказывали. Овсей вернулся в Таллинн в 1968 г. и заполнил ещё одно прошение. На этот раз он просил разрешения навестить Инну, бывшую жену Самсона, ответ пришёл неожиданно быстро: «Вы не можете поехать в гости, но можете уехать навсегда». Ему дали неделю на сборы. Овсей уехал во время. В Израиле они с Инной открыли своё дело: в маленькой коптильне коптили канадского лосося. Но дело не пошло и вскоре закрылось. Затем в течение нескольких лет Овсей жил и работал в Эйлате. Выйдя на пенсию, он обосновался в Тель Авиве. Когда Овсею было 94, он приехал самостоятельно в Петербург повидаться с Максом и со мной. Через год он умер в Тель Авиве.

Самсон работал главным бухгалтером в Кировской областной больнице. Он вновь женился, вторую жену звали Белла, она была родом из Белоруссии. В середине 1950-х у них родилась дочь Ольга. До переезда семьи Каплан в Израиль, Андрей, старший сын Самсона, жил попеременно то у отца, то у матери. Он окончил школу в Кирове. Андрей был очень талантлив, ему удалось поступить в один из

лучших институтов страны. Получив диплом физика, он продолжил учёбу. Андрей эмигрировал в Канаду в 1970-х. Через несколько лет он смог пригласить отца с семьёй к себе. Но Самсон скоропостижно умер, а его жена и дочь уехали в Канаду после его смерти.

Макс работал инженером на фабрике одежды. После окончания срока депортации семья осталась в Кирове. Александр, их сын, окончил школу, затем институт, потом преподавал в том же институте. Затем он переехал в Петербург, тогда Ленинград. Он женат, у него взрослая дочь и маленькая внучка. Он владеет компанией недвижимости. В конце 1990-х Макс с женой тоже переехали в Петербург. Макс умер в 2002 г. в возрасте 95 лет.

Мы с женой жили в Кирове до 1958 г. Я работал экономистом в большой организации под названием «Кирлес». Один из наших друзей, музыкант, помог найти работу для Ирены – костюмера в театре. Мы снимали квартиру. Михаил, сын жены, жил с нами. Когда закончился срок депортации, мы вернулись в Таллинн и вначале жили с моей тещей. И снова мне не разрешили жить и работать в Таллинне. На два года мне пришлось уехать в Карелию (севернее Петербурга). Там я работал в организации, которая заготавливала древесину. Когда жизнь вернулась в нормальное русло, я вернулся в Таллинн и нашёл работу начальника отдела снабжения на МТС. Здесь я проработал около 30 лет.

Я окончил экономическое отделение профтехучилища. В 1970 г. я был экспертом с большим опытом и далеко не старым человеком. Несколько раз мне предлагали продвижение по службе, но каждый раз я отказывался. Я помнил, что был «социально опасным элементом» и не хотел быть на виду. Я был осторожен, и, хотя доходы семьи были весьма скромными, хотел спать спокойно. В середине 1960-х мы с женой получили небольшую квартиру в центре города, я живу здесь и по сей день. Михаил, сын жены, окончил институт и сейчас работает директором Еврейской школы г.Таллинна, которую и я окончил. Ирена умерла в 1980 г.

Через полтора года я женился снова. Стелла Пустынская, моя вторая жена, развелась с первым мужем. У неё взрослый сын от первого брака и двое взрослых внуков. Я был знаком с ней раньше т.к. учился в Еврейской школе вместе с её братьями. Стелла окончила английский колледж до войны, во время войны эвакуировалась в Россию. Затем семья вернулась в Таллинн и Стелла работала секретарём в отделе милиции. В 1952 г. была уволена во время антисемитской кампании. Позднее Стелла работала долгие годы лаборанткой в технической лаборатории.

После развала СССР в 1991 г. и восстановления Эстонской республики в моей жизни наступили перемены. Государственное учреждение, где я работал, прекратило своё существование, на его обломках возникла новая компания «Сауко», акционером которой стал и я. Компания покупала запасные части для сельскохозяйственных машин на заводах России и Белоруссии и продавала их в Эстонии. Я проработал консультантом компании в течение нескольких лет, в 1995 г. ушёл на пенсию. В дополнение к пенсии я получаю ощутимую компенсацию за годы депортации. Кроме того, в процессе реституции был возвращён дом, принадлежавший нашей семье. Я немедленно продал его и разделил деньги между наследниками.

Сейчас мы с женой пенсионеры. Живём вместе, помогая и поддерживая друг друга. Мы – члены Еврейской общины Эстонии и принимаем участие в её мероприятиях, пока позволяет здоровье.

Я прожил длинную жизнь. Я не религиозен. Однако, как в детстве, так и в зрелые годы и сейчас, я всегда знал и помнил, что я еврей. Я всегда чувствовал себя евреем. Во время антисемитской кампании в СССР я был в депортации, поэтому меня не притесняли и не увольняли, думаю, мне повезло.